

12 ноября в Доме кино при полном аншлаге отмечали 75-летний юбилей Ролана Быкова. Цветы (не только корзины от Аллы Борисовны, но и скромные букетики от преданных зрителей). В качестве подарка — уморительная эксцентриада шукинцев общей альма-матер. Непривторно душевные воспоминания собратьев по творчеству (Александра Аскольдова, Аллы Демидовой, Армена Медведева). Смех, разрывающий плену грусти. Но взгляд невольно скользил по сцене, замирал на боковой двери курилки. И выступающие нет-нет да посматривали невольно туда же. Словно ждали — вот отбросит он очередную сигарету и

выскочит к микрофону. Снимет пафос славословий, рассмешит зал — и тут же затеет разговор про самое важное. Сокровенное и сиюминутное. Про другое ему было неинтересно...

Елена Санаева по крупицам собирает буквально разбросанное по разным городам, архивам, домашним собраниям наследие Ролана Быкова: стихи, интервью, видеофрагменты. Сохранилась видеозапись бесед актера и режиссера со студентами. Ролан Антонович уже знал вердикт врачей. И перед тем, как лечь в больницу на онкологическую операцию, провел свой последний мастер-класс. Сегодня «Новая» публикует фрагменты этого, по сути, завещания мастера.

Вы все равно будете учиться: у своего педагога, ученика своего, товарища. Порой неожиданно будете учиться. Если хотите, у всего: литературы, музыки, живописи. Придется пережить и проклятье — «не умею». Как хотелось научиться! И вот я многому научился. Но с тех пор, как я понял это, пришло иное проклятье. Груза этого умения, ненужного мне сегодня опыта. Потому что теперь уже нельзя «с листа» сыграть роль — ведь это я уже играл. Так уже играл.

Весь этот шлейф тянет, ты уже знаешь, как это делается. Запросто возьму и сыграю прямо сейчас любую сцену. Дайте опорный пункт. Плакать будут. Смеяться. Что надо — то и будет.

Не ждите комфортного ощущения в искусстве. Его нет. Комфортного самочувствия художника в искусстве нет. Каким бы ты ни был подготовленным, умелым, обученным. Возникает лишь определенный уровень, ниже которого ты стараешься не опускаться. И только по одной причине: если все время находишься — не на словах, по существу — на истинной позиции ученика.

Сейчас самая модная и распространенная одежда в мире — лапша на ушах. Вот с этой лапшой мы и ходим. Слушаем полуублюдков, которые сегодня получили место и возможность вещать. Это чистая революция. «Ах, вы были при ЦК КПСС?» — укоризненно говорил мне один молодой талантливый режиссер. Раз я творил во времена ЦК КПСС, то я уже человек несостоящий. А он может творить и ходить в церковь. Вот ему и кажется, что он и художник-то по-лучше.

У каждого человека может быть несколько жизней. У актера варианты жизни — его роли. Когда меня спрашивают: «Есть ли связь с той ролью или с другой?», отвечаю: «Со всем есть связь — моя личная жизнь». Во всем, что делается, есть размышление и спор. Прежде всего — со временем. Когда я играл в «Звонят, откройте дверь», я спорил с определениями «маленький человек» и «большой человек». Большим человеком считали по

Героической? И я понял, что нет школы самой по себе. Есть роли...

Однажды прочел своим студентам несколько лекций на тему «Формула успеха».

Одна из формул была такой: «Определи, зачем ты нужен». Этому фильму. Этому режиссеру. Этой сцене. Если определил, ты почти обречен на успех. Если только ты правильно ответишь на этот вопрос: «Зачем тебе нужен — фильм, режиссер, сцена?» — понятно.

Ролан БЫКОВ:

В искусстве не бывает комфортно ощущения

Класс мастера

Чем бы ни занимался человек, в какой бы форме ни выступал, у него единственное дело — защита вечных ценностей на белом свете. И это все трудней и трудней. К концу XX века уже просто требует подвига, а если не подвига, то жертвы. Победы духа. Есть люди высокого режиссерского происхождения. Такие, как Тарковский. Он из

Но вот зачем — ты? Особенно важно это, когда анализируешь сцену. Вот говорят: «Быков тянет одеяло на себя...». Так я пустоты вижу — заполняю их. Тогда и оказываюсь нужным сцене.

Школа и мастерство, с моей точки зрения, — умение поставить вопрос. Талант — возможность и способность на него ответить. Школа и мастерство не позволяют вас «заблудить». Особенно сегодня.

ИТАР-ТАСС

— не черта, это существо развития. И я помню первый мой спектакль, в котором все было условно, а все вокруг строили настоящие подробные декорации из настоящих бревен, и это считалось реализмом... У нас же вместо кораблика были качели, лесенки — вместо джунглей (по ним бежали обезьяны), палки — вместо канатов. Вот мне пальчиком и грозили: «Мейерхольдовщина!». Что было последним предупреждением, после которого следовало изгнание из театра, запрет на роли и постановки.

Собственно, так все и было. Только прожил жизнь я легкомысленную и счастливую. Не давали работать в театре — я шел в кино. Не пускали в кино — шел на радио. Выгоняли с радио — отправлялся на телевидение. Изгоняли с телевидения — шел в цирк. И в цирке становился лауреатом. Я никогда не жаловался. И сейчас тем более — не хочу. Хотя подряд были запрещены 8 фильмов на протяжении восьми лет и 8 сценариев. Фильмы лежали на полке то 21 год, то 15 лет...

Однако сейчас развелось столько жертв тоталитариз-

ма, что просто непристойно быть в одной компании с теми, кто расчесывает комариные укусы и выдает их за фронтовые раны.

Прошел слух, что сейчас пришло какое-то новое поколение, которое занимается новым искусством. Правильно, каждое поколение должно заниматься новым искусством. Так было и у нас. И «Такая любовь» Павла Когоута в студенческом театре была новаторской. Этот спектакль помнят до сих пор. Он до сих пор новый. Даже мечтаю его восстановить. И «Айболит-66», и «Автомобиль, скрипка...», и «Нос», и «Чучело»... Они все — новые, экспериментальные. Только смысл нового, как ни странно, за свою жизнь, скоро уж 70-летнюю, я понял так: «Отстаивать вечные ценности в новых условиях».

«Мастерство — умение
поставить вопрос.
Талант — способность
на него ответить»

● Публикацию
подготовила
Лариса МАЛЮКОВА